

С. Н. ГУХМАН

**«Выезд из службы из Персии стольника
Василья Александровича Даудова» —
литературный памятник конца XVII в.**

В ГБЛ, в собрании В. М. Ундольского (ф. 310, № 1089) содержится рукопись Сводного Уложения 1751 г., в которой на л. 624—635 об. находится текст под названием: «Выезд из службы из Персии стольника Василья Александровича Даудова, который выехал из города Казмина, а имя ему было Алимардан был Бабаев сын Даудов».¹

Текст «Выезда» с небольшим предисловием, включающим описание рукописи и краткую характеристику памятника, был впервые опубликован в «Русском архиве» в 1889 г. под названием «Автобиография В. А. Даудова»² и с тех пор не привлекал внимания исследователей.

Данный текст явно переписан с какого-то неизвестного нам списка и не является первоначальным, авторским. Об этом говорит запись на первом листе рукописи: «Списана в городе Арзамасе в прошлом 1751-м году дежурными писарьями». Об этом же позволяет судить и изменение первоначального имени Даудова, известного по документам XVII в., Алимардан — на Алимардан.

В списке «Выезда» встречаются описки, повторы. Так, например, на л. 625 об. два раза повторено слово «великаго», вместо «боялись» читается «боярину» (л. 631 об.), вместо «пожаловал» — «пожаловалал» (л. 628 об.), ошибочно названа дата последней посылки Даудова в Царьград — «тысяща семьсот двести седмаго» и др.

«Выезд» начинается с известия о прибытии в Персию к шаху Аббасу русского посольства во главе с князем И. И. Лобановым-Ростовским в 1653 г.; далее излагается история необычной жизни «стряпчего» шаха Аббаса — Алимардана Бабаева, сына Даудова.

По обычаю персидских царей, Алимардан был послан с подарками к прибывшему русскому посольству. Увидев в посольской избе иконы, он стал расспрашивать о них толмача Ивана Ширмова. Во время следующих тайных посещений русского посольства шахский стряпчий узнал о христианской вере, о евангелии, и когда однажды посол И. И. Лобанов-Ростовский предложил ему ехать вместе на Русь, Алимардан согласился.

Через шесть недель, когда русское посольство, отпущенное шахом на Русь, прибыло в Шемаху, Даудов, оставив свои поместья и вотчины, захватив лишь две тысячи девятьсот золотых, с двумя иноходцами поехал вслед за Лобановым-Ростовским. Спустя неделю Даудова хватились, и шах, снабдив своих гонцов указами к шемахинскому хану, приказал догнать беглеца и затравить собаками. Из-за наступления зимы русское

¹ Рукопись подробно описана в машинописном обзоре: ГБЛ, ф. 310, собр. В. М. Ундольского, т. 3, № 1084—1586; см. также: Д. Л. Автобиография В. А. Даудова // Рус. архив. 1889. № 2. С. 5—6.

² Рус. архив. № 2. С. 6—20.

посольство не успело выехать вместе с Даудовым из Шемахи. Шемахинский хан, согласно шахскому указу, направил против русского посольства вооруженный отряд (из 700 человек!), чтобы отбить Даудова.

Без больших усилий беглец был отбит, и связанного его привели к шемахинскому хану, который отдал его приставу Агамет-бею и приказал заковать в железо. После пыток закованный Даудов шесть недель пробыл в Шемахе в заточении. Затем в сопровождении двух стражников и десяти стрельцов его препроводили из Шемахи к шаху. Участь его, казалось, была решена. Но судьба явно благоволила к герою. По дороге к Ардевилю в селе Келграни, где, по обычаю захороненных здесь сефевидских царей, колодников освобождают, кормят и поят, Даудов был отбит у стражников местными жителями.

Провожатые шемахинцы «с горькими слезами» умоляли свою жертву ехать вместе с ними к шаху, но Даудов отказался, зная о готовящейся над ним расправе.

Освобожденный узник прожил в Келграни два месяца. Однажды, под тот самый день, когда его освободили, он увидел пророческий сон: некий храбрый муж с оружием сказал, что должен охранять Даудова. Находясь под впечатлением увиденного во сне, герой попросил местных жителей проводить его в Ардевиль — такое же безопасное для пленников место.

В Ардевиле он прожил три недели, пока его не разыскал там переводчик Григорий Гастев. От него Даудов узнал, что русское посольство зимует на берегу Каспия в Низовой и очень о нем беспокоится. Даудов ушел вместе с переводчиком; спасаясь от преследований шахских людей, он прожил в построенной для него земляной избе с сентября по май.

Наступила весна, и Даудов вместе с русским посольством под строжайшей охраной (численностью в 500 человек!) добирается морем до Астрахани, затем по Волге до Симбирска, где путники зазимовали, а весной приходит в Москву.

По приказу царя Алексея Михайловича, Даудов был отдан в Чудов монастырь и через шесть недель по приезде крещен — 26 апреля 1656 г., в день священномученика Василия Амасийского. Крестным отцом его стал думный дьяк Александр Степанович Дуров; с того времени Даудова и нарекли Василием Александровичем.

На этом заканчивается необычная предыстория жизни героя.

Далее следует описание его долгой и трудной посольской службы Русскому государству: сначала, в зрелом возрасте, — царю Алексею Михайловичу, затем — Федору Алексеевичу и уже глубоким стариком — молодому Петру I.

Первая служба началась в 1667 г., когда Даудов вместе с Афанасием Нестеровым и дьяком Иваном Вахрамеевым был послан к турецкому султану Магомету в Царьград с поручением русского правительства вывезти русских пленных, а также уладить дела вселенских патриархов — Макария антиохийского и Паисия александрийского, — незаконно низвергнутых с занимаемых должностей.

За выполнение посольской службы Даудов был пожалован царской милостью — ему выдали из Сибирского приказа на 400 рублей соболей.

В 1672 г. вместе с подьячим Посольского приказа Никифором Даниловичем Венюковым Даудов был снова послан к турецкому султану. В Азове посланцы попали в тюрьму; Даудов с трудом добрался до Царьграда, откуда вернулся в Москву через Адрианополь—Яссы—Чигирин. За эту службу он был пожалован воеводою в Яренский городок, а Никифор Венюков из молодых подьячих переведен в среднюю статью с прибавлением к жалованью 15 рублей.

В 1675 г. состоялась третья служба Даудова. Это было посольство в Хиву и Бухару к Хивинскому Ановша Магамед Богадырхану, результатом которого был вывоз 63-х русских пленников.

В 1679 г. Даудов был вновь послан к турецкому султану вместе с подьячим Посольского приказа писарем Федором Старковым. В «Выезде» сообщается и об участии Даудова в Крымском походе в 1687 г. вместе с его сыном Петром.

Перечисляются далее его службы и должности в Яренске, Чаронде, приводятся поименные перечни пленных, вывезенных за все четыре посольства из Турции.

Заканчивается «Выезд» указанием на посылки Даудова под Азов и в Царьград с Емельяном Украинцевым и Каргопольским наместником.

«Выезд» насыщен точными датами фактов и событий из жизни Даудова, он содержит упоминания исторических лиц, событий русской истории, имена государственных деятелей Руси и стран Востока.

Какие же источники использовал автор для написания «Выезда»? Такими источниками были подлинные документы о жизни и деятельности Даудова, которые можно разделить на официальные (царские и правительственные указы Даудову, отпускные грамоты, сказка о роде Даудовых) и личные (челобитные царям и др.).³

Вероятно, в числе источников находился и статейный список Даудова, на который указывает автор (в рукописи на л. 633 об. см.: «И посланник Василей Александрович Даудов тех 55 человек пленных людей привез с собою к Москве . . . А записаны они все в статейном списке, а статейной список отдан в Посольской приказ. . .»), утраченный, к сожалению, еще в прошлом столетии.⁴ Именно поэтому «Выезд» приобретает особую ценность как единственный сохранившийся источник сведений о результатах посольства Даудова в Турцию.

Совпадает с документами и указание «Выезда» на должность Даудова у шаха Аббаса, а также объяснение мотивов, побудивших Даудова бежать вместе с русским посольством во главе с И. И. Лобановым-Ростовским в Москву.

Очевидно, автор «Выезда» заимствует и сообщение Даудова о приезде в Москву и крещении в христианскую веру в Чудовом монастыре.

«В ы е з д»

«Сказка . . . Василя Даудова»

«В том же Чудове монастыре он, Даудов, крещен во святу православноу христианскую веру. . . Восприемьник, отец ему крестной был думьной диак Александр Степанович Дуров, во святом крещении нареченно ему, иноземцу Даудову, имя Василей».

«. . . И в православную христианскую веру крестился в Чудове монастыре; а восприемник был, по его, великаго государя, имянному указу думной дяк Александр Степанович Дуров».⁵

Во второй части «Выезда», подробно повествующей о службах Даудова и посылках на Восток, из документов взяты лишь отдельные сведения, главным образом даты всех его служб и посылок. В рассказе о первой посылке Даудова в Царьград «Выезд» приводит из «Сказки о службах и посылках Василя Даудова»⁶ и из «Челобитной Василя Даудова об отставке»⁷ лишь поименное число русских пленных, вывезенных Даудовым в Россию.

Рассказ о том, как Даудов стал узником Калачинской башни во время второй посылки в Царьград, заимствован в «Выезде» из описания самого Даудова, приведенного им в той же «Челобитной».⁸

³ Эти подлинные документы, извлеченные из различных архивов, были опубликованы Н. Н. Селифонтовым. См.: С е л и ф о н т о в Н. Н. Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василя Александровича Даудова // ЛЗАК. СПб, 1871. Вып. 5. С. 1—41; Приложения. С. 1—196.

⁴ См.: Б а р т о л ь д В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. С. 180—182.

⁵ С е л и ф о н т о в Н. Н. Очерк. . . С. 170. — «Сказка о службах и посылках Василя Даудова (1686 г.) цитируется здесь по списку 1799 г.

⁶ С е л и ф о н т о в Н. Н. Очерк. . . С. 61.

⁷ Там же. С. 87—90.

⁸ Там же. С. 88.

«В ы е з д»

«. . . и Азовскому воеводе учили против говорить, что де они лазутчики . . . и оне де их повесят на башнях, против казачьих пушек. . . А последнею де башню до половины разбили. И волею божиею от Гнилова Азовскаго моря ветер потянул, и прибыльная вода казачьи шанцы потопила, и казаки отошли прочь. . .».

«Ч е л о б и т н а я»

«. . . и называли меня, холопа вашего, лазутчиком . . . и приговорили они меня, холопа вашего, казнить смертью. . . А как казаки одну башню разбили и почели бить другую башню. . . И в ночь, волею божиею, ветер потянул с Гнилого Азовскаго моря, и прибыльная вода потопила казачьи санчи . . . и казаки прочь отошли. . .» (с. 89).

Подробности взятия Гурьева городка восставшими казаками во время третьей посылки Даудова в Царьград также совпадают с рассказом об этом событии в «Челобитной».⁹

Описание третьей посылки в «Выезде» заканчивается известием о вывозе пленных, дается перечень их имен. Приводится это описание и в «Сказке о службах и посылках Василья Даудова».¹⁰

Автор «Выезда» упоминает также о должностях Даудова в Яренском городке, Чаронде, Скопине, Рязске, перечисленных и в документах.¹¹

Но наряду с использованием документальных материалов в «Выезде» имеются сведения, которые не вошли в известные нам источники. Так, из первой части «Выезда» читатель узнает подробности пребывания Даудова в Персии — о его бегстве и о последующих преследованиях со стороны Шаха Аббаса, об аресте, освобождении в селе Келграни и т. д. Кроме того, в «Выезде» присутствуют вымысел, преувеличения, отступления от реальных фактов. Именно это и позволяет рассматривать «Выезд» не только как деловой документ, но и как памятник литературы. Хотя он насыщен фактическими данными, чаще всего подтверждаемыми историческими источниками, по типу изложения это биографическое повествование, отразившее жизнь Даудова со всеми ее трудностями, преодоление которых зависело не только от его воли, но и якобы от чудесного вмешательства. Так, «. . . в ночи явился де ему во сне храброй муж со оружием, на коне, и говорит де ему: „Я де прислан поберечь тебя, чтобы ты из рук не ушел“». Этот эпизод определенно носит черты литературного жанра видений.

В другом месте находим приметы, характерные для жанра мученичества: «. . . шемахинской хан отдал ево (Даудова. — С. Г.) приставом . . . и приказал на шее, и на руках железа, и на нагах железа класть. И тот печестивой басурманин . . . с великим скаредным мучением клал железа на шею, и на руках, и на нагах, и шесть недель в Шемахе держали вкрепе».

Сочетание элементов различных жанров в биографическом повествовании было типично для рубежа средневековой и новой литературы; «Выезд» занимает свое место в ряду произведений этого периода.

Но более всего он интересен с познавательной стороны — общеисторическими, географическими, этнографическими данными, которые приводятся при описании стран Востока. Эти данные, основанные на личных впечатлениях, обогащали представления русских людей о чужих странах, о дипломатических отношениях Руси периода позднего средневековья, а иногда дополняли исторические сведения, так, например, о восстании яицких казаков и т. д. Информативная часть «Выезда» причудливо сочетается с гиперболизацией численности отряда, охраны и т. д.

В языке «Выезда» встречаются словосочетания, характерные для деловой письменности посольской среды, а также термины сравнительно редкие: «стряпчий», «парсуна», «фортуна» и др.

⁹ Там же. С. 61.

¹⁰ Там же. С. 62.

¹¹ Там же. С. 17.

Кто же мог быть автором «Выезда»? В XIX в. считалось, что «Выезд» написал сам Даудов. Нам же представляется, что это мог сделать близкий ему человек, с которым Даудов делился на склоне лет своими воспоминаниями и которому были доступны официальные документы, связанные с его дипломатической деятельностью. Повествование ведется только в третьем лице, как бы со стороны.

Возможно, это был один из сыновей Даудова (вспомним, что старший его сын Петр участвовал вместе с отцом в Крымском походе). Заметим, что «Выезд» как будто не вышел за пределы семейного круга; недаром он известен пока в единственном списке и является как бы приложением к рукописи, принадлежавшей внуку Даудова. На первом листе рукописи читается запись: «Сие Сводное Уложение надворного Советника Петра Федорова сына Даудова, описано в городе Арзамасе в прошлом 1751-м году дежурными писарьми, дано от писма 4 руб., где я находился за дежурмаеора при господине генерал-майоре Иване Федоровиче Юрлове, а подписал сию книгу я, Петр Даудов, свею рукою в Новосильской своей вотчине в сельце Никольском в нынешнем 759 году декабря 20 дня».

Когда же мог быть написан «Выезд»? Мы полагаем, что он был написан не ранее 1696 г., когда состоялась последняя служба Даудова, т. е. еще при его жизни (умер он около 1702 г.). Заметим, что в рукописи жизнеописание не имеет выраженной концовки. Может быть, в оригинале был утерян последний листок.

Ниже приводится текст «Выезда» в соответствии с правилами публикации, принятыми в «ТОДРЛ».

П Р И Л О Ж Е Н И Е

л. 624 **Выезд из службы из Персии стольника Василья Александровича Даудова, которой выехал из горада Казмина, а имя ему было Алимардан был Бабаев сын Даудов**

Лета 7161 году, по указу великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, полномощным послом посылан был в Персицкую землю к шах Абас величества боярин князь Иван Иванович Лабанов-Ростовский. С ним товарищи были: стольник Иван Богданович Камынин, дьяк Василий Нефедьев. Будучи в Персицкой земле, в городе Казмине, обычай Персицких царей — от себя подарки посылают стряпчими и з жильцами полномощным послам. И как шах Абас величество послал от себя подарки стряпчими и з жильцами к боярину князю Ивану Ивановичу с товарищи в городе Казмине, будучи у него полномощнаго посла с подаркою, один человек персиденин стряпчей, именем Алимардан был Бабаев сын Даудов, и взглянул на святой образ и спросил у тольмача у Ивана Иванова сына Ширмова, что за парсуни стоят на полъке? И он, тальмач, сказал про святой образ и про благочестивою христианскою веру. И ему, персиденину, вельми полюбилась христианская вера. И тот персиденин учал ходить потайком к боярину князю Ивану Ивановичу, и он, боярин, через тольмача сказал ему, персиденину, про святое крещение, и про Евангелие, и про святую христианскою веру, и ево, персиденина, звал он, боярин, с собою, чтобы он выехал на великаго государя имяя, и он, персиденин, обещался, чтоб выехать на великаго государя имяя. И как боярин князь Иван Иванович отпущен от шаха, звал таго персиденина к себе и велел за собою ехать, шесть недель спустя горада Шамахи, где карабельное пристанище.^а И как шесть недель минула, || и тот персиденин не пожелел сваего поместья и вотчены, именование, излюбя христианскою веру, взял с собою две тысеци девять сот червонных залатых, купил два ино-

л. 624 об.

^а Испр., в ркп. припристанище.

ходца, персицкой обычай, как персицкие гонцы гоняют, и поехал за боярином за князь Иваном Ивановичем.

Спустя недели, и начальныя люди известили у шаха, что Алимардан Даудов безвестно пропал, и указал шах бирючю кликать в гораде Казмине о Олимардане и сыскивать ево, жив или убит. И в Козмине, где стоял на посольском дворе боярин князь Иван Иванович, того посольскаго двора дворенин босурманин известил начальным людям, что тот Алимардан Даудов к руским послам почасту хаживал. И начальныя люди шаху известили и шах велел скорогонных ганьцов своих поставил перед собою и указал им, гоньдом, за послом гонять до горада Шемахи и свои указы им дал, покаместья он, боярин князь Иван Иванович, не уехал за море, не увез бы Даудова.

И как боярин приехал к Шамахе, и стала зима, морской хот минулся, и от шаха гоньцы скоро поспели к городу Шемахи и шахов указ подали Шамахинскому Мегралихану, и он, хан, семьсот служивых людей с оружием, в паньсырях, послал к боярину князь Ивану Ивановичю и велел отбить Алимардана Даудова. И как те служивые люди персиане пришли к боярину, и Алимардана Даудова отбили и, взявши ево, руки назад у него свезали и поставили его перед шемахинским ханом. И шемахинской хан отдал ево приставом, начальному человеку Агамет-бею, и приказал на шее, и на руках железа,^б и на нагах железа класть. И тот нечестивой басурманин, взявше к себе на двор, с великим скаредным мучением клал железа на шею, и на руках, и на нагах, и шесть недель в Шемахе // держали вкрепе. И хан шемахиньской двух человек своих начальных людей, да десять человек стрельцов от Шамахи отпустил к шаху с Алимарданами Даудовым. И как будут за две версты от горада Ардавила, в селе Кельгрране, и Даудова отбили у проважатых и отняли: потому что обычай персицкой, где их цари погрибены, положена клятва: отбить колодников, не пропускать, отбить их, и сколько время колодники похотят жить, и в таких местах поят их и кормят, и вольно им куда итти. А в том селе Кельгрране лежит шах София, отец Саит-Набраил. И таго Даудова в том селе отняли, и праважатым шамахинцам начальным людям и стрельцом выговор и лист указа старых персицких царей показали им, харатейная, и тожа писана золотом за многими персицких царей печатми и за руками. А в том листе писана клятва и запрещение, что через то село Кельгран и круг таго села по шести верст отнюдь колодников не пропустить, отбить.

И в том селе Кельгрране ево, Даудова, поили и кормили, и проважатыя шемахиньцы з горькими слезами приходили к нему, Даудову, и звали ево с собою ласкавыми славами, чтобы он с того запрещеннаго места поехал с ними к шахову величеству. И он, Даудов, им отказал и с ними не поехал, потому что от шаха указано было именно: в кои час приведут и ево, Даудова, к нему, шаху, на очи не пуская, стравить собаками. И те праважатые шамахиньцы поехали к шаху одни и били челом шахову величеству горькими слезами и известили о том, как ево, Даудова, отбили в селе Кельгрране. И шахово величество указал им дать свой лист к шамахиньскому хану, чтоб им, праважатым, он, шемахиньской хан, никакой шкоды не учинил.

И он, Даудов, в том селе Кельгрране жил два месица. || И почело ему в том селе Кельгрране скучно быть. А в котором числе ево, Даудова, в селе Кельгрране отбили, и под то число в ночи явился де ему во сне храброй муж со оружием, на коне, и говорит де ему: «Я де прислан побережь тебя, чтобы ты из рук не ушел». И почал он, Даудов, бить челом того села Кельгррана тутошним людям, чтоб ево проводили ночью до горада Ардавила, потому что в том городе Ардавиле лежит персицкой царь шах София, и в том городе Ардавиле такожде запрещено колодников отбивать.

^б В ркп. (железа).

Где он лежит в городе Ардавиле, в котором месте погребен персицкой царь шах Софья, зделано кругом в том дворе келей больше семи сот, а в тех кельях живут духовнаго чину люди, персиане, и поят, и кормят их, и платья им дают от шах Софеивой казны. А в казну к шах Софеиву доходов идет с вотчин, с лавок, з гостинных дворов з девеноста тысяч.

И ево, Даудова, из села Кельграна ночью проводили до города Ардавила. И где погребен шах Софья, и в том месте известили начальнику про него, Даудова, что пришел, и указали ему, Даудову, келью и корм, чем ему сыту быть.

И жил тут он, Даудов, три недели. И в том месте пришел к нему, Даудову, русской человек, посольскаго приказу талмач именем Григорей Гастев, и сказал ему, что полномощной великой посол боярин князь ^В Иван Иванович Лабанов-Ростовской с товарищи за моря не пошли, зимуют у берега Хвалынскаго моря, у корабельнаго пристанища, во селе Низове. Он же, Григорей, говорил ему, Даудову: послы де и руские люди об тебе вельми печалютця, не чают, что ты жив, для раде Пресвятыя Богородицы; ты, Даудов, не забудь истинныя христианския веры, призови великаго ^Г Бога на помощь. И с таго места ушел к послам х карабелнаму пристанищу.

л. 626 И послы, боярин князь Иван Иванович с товарищи и все руские люди, увидев ево, Даудова, zelo обрадовались, и приказал боярин астраханским стрельцом ночью зделать || земляную избу для кызылбашских людей, чтоб ево, Даудова, не видали, и в той избе жил он, Даудов, с сентября месяца до мая месяца.

И как боярин с государскими людьми почал убиратца в бусе и в полночь пришел к земляной избе и велел вызвать Даудова перед себя и учал говарить о том: Бог де дал путь лета, стала пора ити в Русь. И велел посадить ево, Даудова, в лодку с своими людьми и отвести в бусе, и заказал персицких людей бусных работъников на берех не выпускать потому, чтоб кызылбашким людем про него, Даудова, ведомости не было.

А как боярин зимовал на берегу у моря, и ево пять сот человек караулили кызылбашких ратных людеи, чтоб ему никакой шкоды не учинилось.

И пришли послы в Астрахань после Троицына дни, а из Асторахани пришли Волгаю стругами и после Семени дни пришли в Синьбирской и в Синбирском жили до зимьяго пути, а зимьем путем пошли к Москве.

По указу великаго государя Даудов отдан в Чюдов монастырь под начал, и под началом был шесть недель. В том же Чюдове монастыре он, Даудов, крещен во святуя православною христианскую веру месяца апреля 26-м числе, на память святаго священномученика Василия, епискупа Амасийскаго. Восприемъник, отец ему кресной был думьной диак Александр Степанович Дуров, во святом крещении нареченно ему, иноземцу Даудову, имя Василей.^Д

л. 626 об. Первая ево, Васильева Александра сына Даудова, великому государю служба. Во 175-м году послан он, Василей, в Царьград с стольником с Афанасьем Нестеровым да з диаком Иваном || Вохрамеевым. Путь их на Азов, через Черное море шли и пришли в Царьград. И Турскаго царя салтана Махамета в Цареграде не было, был в то число цареграцкой наместник Исуп-паша. Указал им посольской двор дать, где стоять, и честь воздал им, и их, Афонасья з государскими людьми, призвал к себе в дом, зделал стол и на государских людеи вздел по кавтану залатому и говорил им, что де государь ево во Аньдреанеполе, и зимовать де будет в том Аньдреанеполе, и про приезди их, Афонасья Нестерова с товарищи, он, паша, писал к турскому салтану и велел дожидатца указу, и поденьной денежной корм велел им имать. В Цареграде жили шесть недель, и от салтана прислан указ, чтоб им, Афонасию с товарищи, ехать во Аньдреанеполе.

^В В ркп. буквы кн под кляжсой. ^Г В ркп. слово великаго повторено дважды
Д В ркп. доб. ему.

И приехав во Анъдреанеполе Афонасей Нестеров, да Иван Вохрамеев, да Василей Даудов, да перевотчик. И государским людем всем по кавтану залатому дали ^е и честь воздали. А за столом сидели: везирь Кара Мустафа-паша с иными пашами и ближними людми, и турецкие цари никогда с послами за столом не сидят. И во Анъдреанеполе зимовали. А как от салътана отпуск был, и Афонасей Нестеров и з государскими людми были в саду, также салътановы очи видели оне, Афонасей Нестеров, да Иван Вохрамеев да Василей Даудов, да перевотчик, и золотые кавтаны вздели все. И салътан Афонасью Нестерову на двор прислал лошадь с седлом, и щепраком, и с муштуком, и з буловою и велел ехать к великому государю к Москве, — дали два карабля.

Тем же путем Черным морем пошли и пленным руским людем велели ехать с Афонасьем Нестеровым с товарищи, у которых были отпускныя. Назад едучи, на Черном море распутье от фартуны учинилось, и живот свой мучели шесть недель. А как из Азова шли в Царьград, поспели || л. 627

А послан был Афонасей Нестеров с товарищи в Царьград для великих государских дел и для вселенских потриархов.

И назад идучи, будучи на Дону, Афонасей Нестеров, да диак Иван Вохрамеев Василья Даудова отпустили с отписками к Москве к великому государю через степь на украинной город, на Валуйку. Донской атаман Корней Яковлев дал ему проважатых петънатцать человек казаков до Москвы. И великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, Василья Даудова пожаловал денежным жалованьем и всяким запасом.

И вселенские патриархи, папа патриарх Паисей александрийской, да патриарх Макарий антиохинской били челом великому государю словесно: Афонасей де Нестеров, которой указ взял у турецкого салътана об их потриарших делах, и ^жтот де ^з указ им не годитца, потому что живут де они в босурманской земле, бутто невольники, и как де были они на Москве, и на их де место по указу турецкаго салтана поставлены новые патъриархи, им де от того разарение ехать к своим местам немошно, чтоб указал великий государь послать к турецкому салтану Василья Даудова с своею государскою грамотою просить и взять у турецкаго салътана указы и грамоты, чтоб александрийскаго новаго патриарха с места збить и послать ево в сыльку, куда салтан укажет, чтоб ему, папе и патриарху, Паисию александрийскому быть по прежнему в патриаршестве во Александрии, на прежном своем месте, такожде бы и Макарию, патриарху антиахийскому, быть в Онътиохии по прежнему же на патриаршестве, на своем месте.

И великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, || л. 627 об.
всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, указал послать к турецкому салтану, по челобитью вселенских патриархов, с своею великаго государя грамотою Василья Даудова, оп чем они, вселенские потриархи, били челом. Да с ним же, Васильем Даудовым, послали греченина Мануила Иванова товарищам. А на подъем ему, Василью Даудову, дали денег пять сот рублей, да на четьреста соболей раздачи великих государей дел. А указал великий государь Василью Даудову ехать к турецкому салтану во сто семьдесят седьмом году на Смоленск через Польшу и на Валахи. И он, Василей Даудов, з греченином с Мануилом поехали с Москвы.

И как были в^н Валаской земле в городе в Ясе, дук воевода, господарь молдавской, их, Василья Даудова с товарищи, звал к себе и великаго государя грамоту у них принял и цаловал, которая к нему послана была. Оной же дук воевода встал с места и снял шапку, великаго государя о здравии спросил и учал^к государские дела говорить. И говорил

^е В ркп. доб. и зачеркнуто и честь. ^{ж-з} Испр., в ркп. тод ди. ^н Доб., в ркп. нет. ^к Испр., в ркп. учил.

он, воевода, Василью Даудову: Турецкой де царь в походе, а в Цареграде ево нет, зимует де в городе Ларсе, а по турецки называют Егигешегер, выше Селуни града, блиско Веницейской земли. И волоской господарь дал подьводы и правожатых, и велел ехать во Андреанополь, потому что на Ларсу ехать дорога лежит на Аньдреанополь. И Василей Даудов с товарищи приехал в Андреанопаль, и андреанопольской воевода бастанжибаши умер. Ага дал два человека бустанже правожатых и подьвод, велел на дароге везде корм давать и дал подорожною везде часу не держать до салтана, а приказал ехать на град на Селунь. И будучи || в Селуне, они, Василий Даудов с товарищи, из Селуня дали им подьвод такожде и правожатых. И шли от Селуня к Ларсу пять дней берегом Белаго моря и приехали в Ларсу и салтана застали в Ларсе.

Василей Даудов послал от себя Мануила греченина к ближнему человеку Камакам Мустафе-паши, чтоб он об его, Васильеве, приезде доложил салтану. И Мануила, придет от него, гаварил Василею Даудову: велел де ближней человек Камакам-паша тебе, Василью, приехать к себе, и буде от великаго государя грамота есть к нему паше, и он де бы Василей привез с собою. И на другой день он, Василей Даудов, взявши от великаго государя грамоту, которая к нему, паше, послана, да черной лисей мех, и пришли к нему, паше, на двор, и он, паша, великаго государя грамоту принел чесно и лисей черной мех принел же он, паша, и приказал им, Василью с товарищи, сесть. И Василей Даудов говорил ему паше, чтоб доложил салтану об его, Васильеве, приезде. И Камакам-паша говарил: салтану де известно твой, Василев, приезд, готовся де к завтраму и салтановы очи увидить. А на другой день у салтана были, и салтан великаго государя грамоту принел. Он же, салтан, турецким языком у него, Василья, спрашивал: от великаго государя есть ли де словесной приказ, говори де мне. И он, Василей, известил ему турецким же языком, чтоб указал он, салтаново величество, словесной приказ на письме принять ближнему человеку и потом известить ево салтанову величеству. И салтан приказал ближнему своему человеку Камакам-паше принять и себе доложить, и ему, Василью, велел ехать на стаялой двор.

И он, Василей Даудов, подал на письме || дела великаго государя, о которых дела великому государю били челом вселенские патриархи. И ближней человек Камакам-паша, салтану докладывал, и салтан указал и велел дать свой указ и грамоты, чтоб патриархи вселеньския, александрийской и онътиахийской, с Москвы поехали к своим престолом, и быть по прежнему на потриаршестве, а новых патриархов указал с места збить и сослать их в сыльку.

И Василей Даудов с товарищи жили в Ларсе три недели, и салтан указал ево, Василья, отпустить к великому государю к Москве, и Камакам Мустафа-паша ево, Василья, звал к себе от салтана и грамоту к великому государю, такожде указу от салтана о потриарших делах поднес Василью и велел дать правожатых и подводы и велел ехать на Царьград. Такожде, от салтана особно, указ дали ему Василью к цареграцкому Каимакам-паше Исуп, чтоб он Исуп-паша звал бы к себе цареграцкова греческова патъриарха и сказал бы ему, патриарху, салтанов имяньной указ, чтоб он, патриарх, по христианскому греческому закону учинил бы сабор с архиереи в соборной церкви и чтоб проклинали александрийскаго новаго патриарха, потому что старой патриарх жив, а он сел на патриаршестве по посулям. И цареграцкай патриарх в соборной церкви сабор учинил и новаго патриарха проклинал.

И Василей Даудов с товарищи ис Царяграда поехали к Москве на Волошскую землю и на Польшу, и к Москве приехал он, Василей, с товарищи. И великий государь пожаловал¹ ево, Василья, указал выдать

¹ Испр., в ркп. пожаловалал.

ему за то ево службу из Сибирскаго приказу на чтыреста рублей са-
болей.

|| Вторая его, Васильева Даудова, великому государю служба. По л. 629
указу великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайло-
вича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самадержца, во 180-м году
с ево, великаго государя, грамотою послан он, Василей, к Турецкому
салтану, да с ним, Васильем, послан был Посольскаго приказу подья-
чей Никифор Данилов сын Венюков, на низ Дону и на Азов. И как донь-
ския казаки одъдали ево, Василья, с подьячим Никифором азовцом,
и в то число скоро они, казаки, с ними азовцы размирились и с пушками
пришли пот Каланчиския башни, и учали по башни бить ис пушек, и
одну башню до пошвы разбили и почали по другой башне бить. И в то
число их, Василья да подьячева Никифора с людми, Азовской воевода
Магмет-бий велел в тюрьму посадить, рняяся и за даньских казаков. И азов-
ской янычары служилыя люди буньтом приходили к тюрьме и хотели
тюрьму ломать и их, Василья и Микифора, бить до смерти, и азовскому
воеводе учали против говорить, что де они лазутчики, а не посланъные
люди и чтоб отдали их, Василья и подьячего Микифора, им, и оне де их
повесят на башнях, против казачьех пушек, и у них де бы з донскими
казаками было мирно. А как де они, Василей да Никифор, были в Озове,
а доньския казаки с ними азовцы размирились. И в тех же числах два
казака из Черкаска изменили, ушли в Азов и абусурманились и сказали
про них, Василья да Никифора, что де они, Василей да Никифор, измень-
ники: как де они с Москвы приехали на Дон и в Рузе казакам подали
великаго государя грамоту, а в грамоте написано: Атаман Карней Яков-
лев с войском отдав || Василья Даудова в Озов, и с азовцами размиритесь л. 629 об.
и войною под те под Каланъчиския башни. И они, воевода и озовцы, пуще
стали супостата ему, Василью. А последнею де башню до половины раз-
били. И волею божиею от Гнилова Азовскаго моря ветер потянул, и
прибыльная вода казачьи шанцы потопила, и казаки отошли прочь.
И озовцы глиною и сырыми кирпичами учали Каланъчинския башни
биты починивать, а их, Василья да Никифора, из Азова отпустили
ф Кафу.

И кафимъскаго Имъбраим-паши наместник Мусаил—Усман-ага от-
пустил ево, Василья, с подьячим Никифором в Царьград в корабле.
И божим изволением фартуна и ветр встрешнай встал и вернула назат
к гораду Трапизону и носила по морю многое время. И в том же путном
шествии стал супротивной ветр, и фартуна и волны морские коробль
унесло назат, и потопал трожды. Ис Трипизона шли возле берега до
горада Синопа, от Синопа карабельщик не поехал в Царьград, зимовал,
потому что зимою невозможно караблям ити в Царьград. И они, Васи-
лей да подьячей Никифор, говарили воеводе, чтоб велел дать им лехкай
струк и грещов и праважатых от Синопа да Царяграда, и воевода им от-
казал: бес салтанова дие указа струга и провожатых дать вам не смею.
И он, Василей, в Синопе нанил стружок у гречинина Апостала ехать
да Царяграда греблю. А з Дону из Черкаскаго горотка отъпущен в Азов
июня в || 29-м числе, а донския казаки приходили под Колонъчиския л. 630
башни августа в двотцатом числе и били башни августа 1 числа, а оташли
прочь ани, казаки, сеньтября 1 день, а Василей отпущен из Озова в Царь-
град в корабле с приставам с Мустафою чилибеям. И октября в 9-м числе
пришли в Керчь того ж октября месеца в 17 день, а ф Кафу приехали
сухим путем от Керчи в том же месяце в двадесятном числе, а от Кафы
отпущен он, Василей, в Царьград в корабле октября в дватцать девятом
числе и пришли в Синоп ноября в дватцать седмом числе, от Синопа пошли
в Царьград декабря в тридесятном числе в Царьград и пришли генваря
в девятом на десять числе, ис Царьграда отпустили и Василья с товарищи
во Андреанополе февраля в третьем числе с приставам с Азаном чеушом,
а во Анъдреанополь пришел февраля в 1 числе.

Иза Ондреанополя^М они, Василей да подъячей Никифор, иза Ондреанополя отпущен к Москве марта в дватцатый день с приставом с Усманом чеушем в Волоскаю землю, а в Ясу приехал сухим путем апреля шестнадесять день, в Каменец приехал в Подольской того ж месяца в дватцеть втары день, в Чигирине к Дорошеньку приехал мая в седмы день, а ис Чигирина отпущен Василей к Москве в четверты день, таго ж месяца мая в дватцать девятом числе. 181 году августа в 28 день от великих государей пожалован Василей Даудов за сию Царегороцкую службу, воеводою отпущен в Еремьской городок. || А Посольскаго приказу подъячей Никифор Данилов сын Венюков пожалован за ту Царегороцкую службу из молодых подъячих в середнюю статью, ему ж б прибавлено к годовому денежному жалованью петънатцать рублей.

.. 630 об.

Третья ево, Васильева Даудова, великому государю служба. Лета 7183 году февраля в 28 день по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу и по наказу ис Посольскаго приказу за приписью дьяка Емельяна Украинцова велено ехать ему, Василью, в Хиву и в Бухару в посланниках, ему, Василью Александровичу Даудову, великаго государя з грамотами к Хивинскому Анавша-Магамет Богадырхану да к Бухарскому Абдул Азиз Богадырхану. От великаго государя послана с ним, Васильем, Бухарскому Абдуле Азиз Бугадырхану четыре кречита да иных поминькоф да соболей на пятьсот рублей, да ему же Бухарскому хану посланы органы, а Юргенскому хану послана в поминьках по двести рублей. Великаго государя жалованья на подъем ему, Василью, дано двести рублей денег, да на триста рублей сабалей, всего на петъсот рублей. А с ним, Василеем, посланы для обереженья кречетав сокольник Епением Подваснев да кречетъников Ефим Малинин, Михайла Петъров, Фадей Ярцав, Ларион Мартемьянов, а за органами послан арганист дворовой человек Федор Текутьев. И с ним, посланъником с Васильем Даудовым, с товарищи послано || из Казани татарских языков талмачей: Анисим Васильев, да Иван Горской, да три человека стрельцов, Ивашка Носов с товарищи. С ним же посланъником, с Васильем Даудовым, посланы из Астрахани съезжай избы подъячей Данила Гольдыбин, да Василей Бочков, да перевогчик астраханьской татарин Мурмешка. А с Москвы пошел он, посланник Василей Даудов, во 183 году мая в 15 числе. Шел реками Москвою и Окою и Вольгою бес простою, и в Казань пришел июля во 12-м числе, а в Астрахань пришел июля в 17-м числе. А з Астрахани отпущен он, Василей, с товарищи бусуюю августа 22-м числе, и шол через Хвалынское море на Караганскаю пристань з государскими людми, пришли на Карагинскую пристань 184-го году сентября в дватцать пятый день.

.. 631

Посланъник Василей з государскими людми нанел у Трухменца верблюдов и лошадей дорогою ценою под великаго государя казну и под себя, и под запас, и под рухлеть. Пошли степью, а они, воры проклятыя бусурмана трухменъцы, вели Василья з государскими людми безызвестными пустыми степями нарощно, и воды такие скаредные, хуже дехтю, а едучи де тою нужною дорогою, пустою степью, они, проклятыя трухменъцы, подвозчики и провожатыя в тех местах, думали была среди степи в безводных местах их, посланника Василья Даудова з государскими людми, изрубить, а казну великих государей грабить. И едучи в той степи в нужных местах, великия жары были, а девить ден воды не показали, а шли тою степью дватцать пять дней, а от них, воров || трухменъцов, над государскими людми грабежу и ругателства многажды было, и боялись^Н их, трухменъцов, смертнаго убивства, давали им платьем и товаром, откупалися. А пришли в Хиву октября в дватцатый день и в Хиве у хана

.. 631 об.

были, великаго государя поминъки хану поднесли, он же, хан, два кречета сильно отнял.

Хивинская земля самая нужная, места всяким запасом и товаром и водою, и сеном, и лесом гораздо скудно. Послом и посланьником корму и подвод не дают, только у хана у стала бывають послы и посланьники, а дают им чалму да кафтан и азом, временем от хана посылают вместо корму еств да денъгами не по большому месту, рублей по двести и по полтараста на приезд и на отпуск, только дважды дают, а подводы наимают сами, харчи и конской всякой корм покупают дорогою ценою. А ис Хивы пошол он, посланник Василей Даудов, з государскими людьми генваря в шестом числе через Дарью реку, а в то число река Дарья замерза, шли через лет, а шли от Хивенскаго крайнего горада пустою степью в Бухаре тринадцать дней, в 21-м числе приехали в Бухары. На август в 18-м числе посланник Василей Даудов с товарищи поехал в Хиву, и во 185 году сеньтября во втором числе пришли в Хиву они, посланник Василей Даудов з гасударевыми людьми и с посланниками. А ис Хивы апреля во втором надесять числе пошли степью пустою на Яик да на Гурьев городок. А та пустая степь вельми нужна, безводна и бездровна, всякой харч, и вода, и верблюдна, и конской корм вазили на верблюдох. А пришли в Гурьев городок в Яик за два дни да Вознесеньева дни. И в самой Вознесенев день за час до свету вор изменник яицкой казак Васка Петров сын Касимов с товарищи своими ворами исзменники, человек || их л. 632 с триста, и они, воры изменники, изменили великому государю, Гурьев-городок взятьем взяли, великаго государя всякую казну, ружье и порох ограбили, також и посланника Даудова и торговых людей иназемцов, бухарцов и хивинцов, которые пошли с товары своими ис Хивы и из Бухары с ним, посланником Васильем Даудовым, в Росиское государство торговать, ограбили всех без остатка и ево, Василея Даудова, а иных иназемцов и до смерти растреляли. А посланника Василья Даудова ограби без остатку отдали за казачей народу. И не по одно время они, воры изменники, думали, что посланника Василья Даудова потерять. И пленной поп Афанасий Иванов с товарищи с пленными людьми собралися все и били челом им, вoram и изменъникам, горками слезами многожды и просили об нем, посланнике, чтобы они, воры, ево, Василея, не казнили. И они, воры и изменники, им, пленным людем, попу Афонасию с товарищи, сказали, что де у него, посланника, инога каменья дорогова и червонных золотых. И поп Афонасей им, изменникам, говорил: великаго государя казны де с ним, Василем, не послано, а нас де пленных людей 55 душ купил на свои денъги и большую де половину и пленных людей поил и кормил и подводы де под них дал, через степь до Гурьева горотка, своими денгами нанел. И они, воры изменники, выслушав такия слова у него, Афонасия, и говорили ему, попу Афонасию: в утри де у них, воров, круг будет об нем, посланнике Василе, и что де казаки придумают в кругу, а вам де будет известно; и ему, попу Афонасию, они, воры, велели в круг притти на другой день. И на другой день они, воры изменники, учинили круг и придумали про него Василья Даудова: не русской де он человек, иноземец, || за што де ево напрасно потерять? И для ради и прошения их л. 632 об. пленных людей, попа Афонасия с товарищи, потому что де он, Василей, их, пленных людей, из дальнава государства через такую нужнаю степь вывез и поил, и кормил, и от себя подводы дал, можно ево, Василья Даудова, от смерти свободить. И того же числа они, воры изменъники, праклятой атаман сказали в круге, сказали им, попу Афонасию с товарищи: казаки де придумали ево, Василья Даудова, свободить от смерти для ради вашего прошения. И розаря Гурьев городок, те воры изменъники великаго государя всякую казну, также и Василья Даудова и иноземцов торговых людей ограбя ж без остатку, начевали три ночи в Гурьеве горотке и нагрузили теми пограбленным козною и животами и товары козачьи свои воровския струги полны и пошли на Хвалынское море

воровать. И в то число в Гурьеве горотъке посланъников Василья Даудова вскормленник, дворовой человек немъчин, именем Левка Дементьев, в то время изменил и с ними ж, изменъниками козаками, вместе пошел на море, им, изменъникам ворам, на него, Василья, ушничивал и проживоты, и про платья, и про всякую рухледь им, ворам, сказывал. А торговых всяких иноземъцов грабежем взяли они, изменъники, больше семидесять тысячъ рублей, а у посланника у Василья Даудова они же, воры изменъники, взяли грабежем семь тысячъ рублей. И ево, посланника Василея Даудова, в Гурьеве городке одевали, и поили, и кормили добрыя люди до Острахани. А из Бухар и из Хивы он, посланник Василей Александрович, вывез с собою русских пленныхъ людей розныхъ чинов Московскихъ и розныхъ городов мужескаго и женскаго полу и девок: Казанскаго уезду попа Афонася Иванова с пападью да с дочерью и з зятем да с самарским стрелецким сыном с Максимкою, да данъскаго казака Артамошку Анофрияева, да посацкаго человека Василья Городенъца, да Ивашку Васильева, московскаго || стрельца Ивашку Дмитрева, самарскаго стрельца Васку Семенова, саратовскаго ж стрельца Ивашку Арскаго, салъдата Фетку Зарайченина, Якушку Сидарова, Заинскаго горотъка казачью жену Наташку, жену Юрьеву з дочерью Анюткою, Новаго Шешминска казака Сенъку Бабаева, Старого Шешминска стрельца Гришку, ис Сибири Тарскаго горотъка казачью жену Варварицу, того ж горотъка казачью дочь девку Маврушку, ростовскаго уезду села Великаго Ганъку Иванова, резанца Мартина Ермолаева, шешминскаго казака Савку, самарскаго стрельца Степку Заматая, города же Самары полонянюку вдову Варварицу, нижегоротъца Игнатъя Дружинина, Ерыклинъскаго горотъка казака Лучку, Заискаго горотъка казачью жену вдову Авдотицу, да Ерыклинскаго горотка стрельца Логинъку, того ж горотка Лучку Власава, синъбиринина посацкаго человека Сенъку Деревягина, московскаго стрельца Харитонъку Ипатава, казанскаго уезду новокрещеннаго Еремку Яковлева з женою и з детьми, казанскаго уезду новокрещеннаго Гришку Иванова, Фетьку Степанова, Карпушку Иванова, Макарку Максимова, нижегородъца Захарку Реброва, Левку Харкова, беларусицу Матъренъку да Грикерицу Клеменьтьеву дочь, Феврошку Иванову, кастромитину Левку Степанову, села дворцовава Ганъку Иванова, ламовца Алексашку Федорова, саратовскаго стрельца Ивашку Савельева, самаренина Макурку Варабьева, ломовца Карпушку Иванова, да казанскихъ татар Круд Булакудал, Маметку Маремъяну Петрову, да Заипскаго горотъка Елисафету Евдокимову дочь, Парасковку Семенову, Феврошку || Иванову, Матренъку Васильеву, Дарьицу Минину, Грикерецу Клеменьтьеву, Анютку Лавренътеву, Марфутку Самсонову, Устинъицу Тимофееву, Дарицу Макееву, Матрошку Леонтьеву, мордвина Ганъку.

Всехъ вышеписанныхъ плененныхъ людей число шездесят три человека, ис того числа на дороге умерло восем человек, а осталось пидьдесят пять человек. И посланник Василей Александрович Даудов тех пидьдесят пять человек пленныхъ людей привез с собою к Москве и отдал имянно в Посольскомъ приказе. А записаны они все в статейномъ списке, а статейной списокъ отдан в Посольской приказ.

Четвертая ево, Васильева Александрова сына Даудова, служба. Лета сем тысячъ сто восемьдесят седмого (1679) году февраля в 19 день по указу великаго государя царя и великаго князя Федора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, посылан он, Василей Александров сын Даудов, великаго государя з грамотами в Царьград к Турскому царю салтану Магмет Ибраимовичу. А для писма с ним, Васильем, послан Посольскаго приказу подъячей Федор Старков. Велено ему, Василью, ехать с Москвы в Царьград на Киев через Польшу. И он, Василей, в Киеве был, а ис Киева через Польшу ехал на польския города на полонныя: на Старой Костянътин да на Новой Кастенътин, да на Ми-

жебоже, да на Коменец^о Подольской, да на Волошскую землю, на Ясу, где Волошской господарь живет. А как в Ясе был он, Василей, и Волошской господарь дукъ ка || воевода честь ему воздал и кормил ево, есть и пить у него было довольно. Он же, волошской господарь дукъка воевода, велел дать ему пристава и провожатых и подводы, отпустил через Дунай в Царьгород. И он, Василей, приехал в Царьград в том же году в самой велик день в апреле месяце. Ис Царяграда отпущен он, Василей, и ему, Василью, дано корм и приставов и провожатых и подвод довольно. Ис Царяграда пошел в том же году в августе месяце в первом числе и приехал в Волоскую землю августа в 15 день в город Галад, которой сидит на берегу Дунай реки. И от великих жаров он, Василей, со всеми людьми скорбел лихоратькою и огневицею, а подъячей Федор Старков тое болезнью в Польше и умре, погребен в полонъном горотке. А в Киев приехал он, Василей, назат в 188 году в сентяб্রে месяце, а к Москве приехал он, Василей, в том же году. И за ту ево службу учинена ему придача государскаго жалованья к годовому денежному окладу и к поденному корму, и прибавлено.

А шестая служба Васильева с сыном Петъром в Крымском походе во 195 (1687) году в полку, были завоевотчики у боярина князя Василья Васильевича Голицына с товарищи.

За ево, Василевы, за многия службы, за частыя дальныя посылки в иныя государства пожалован он ваеводю в Яренской город, отпущон ис приказу Новгородской^п чети во 182 году. Он же, Василей, пожалован ваеводю в Чаранъду, отпущен ис Приказу Новгородской чети во 188 году. Он же, Василей, || пожалован, отпущен в Скопин воеводю во сто дивеносто шестом году, отпущен ис Приказу Большаго Дворца. А в Яренском он, Василей, переменил Бориса Михайлова сына Наисарова, а ево, Василья, переменил стольник Василей Федоров сын Шишкин, а в Чаранъде он, Василей, переменил Петра Иванова сына Протопопова, а ево, Василья, переменил стольник Анъдрей Анъдреев сын Поливанов, а в Скопине он, Василей, переменил стольника Ивана Анъдреева сына Поливанова.

Василей Александров сын Даудов посылан во сто семьдесят пятом году в Царьград, а ис Царяграда вывез пленъных людей розных городов и чинов мужеска и женъска полу: Анъдрея Бутина, Сергея Шергина, Ивана Рохманова, Василья Захарова, Афонасья Бурина, Александра Гутина, Фоку Барбышева, Ивана Микифорова, Василья Сергеева, Богдана Мартынова, Романа Шатырева, Афонасья Ремизава, Ивановскою жену Серебрекова, Марью Купреянову дочь, да пападью Дарью Григорьеву дочь.

В другой посылке ис Цареграда во 177 году вывез пленъных людей розных городов и чинов: Лукьяна да Федора Ларионовых, Семена Григорьева, Петра Федорова, Сергея Попова, Максима Кляусова, Ивана Беляева, Василья Новосильцова, Афонасья Ливенъца, Макара Высокаго, Федора Мартынова, беларусцов Ивана Иванисова, Матвея Григорьева, Емельяна да Лексея Стародупщавых.

|| В трети посылке ис Царя же града во 180-м году вывез пленъных людей розных городов и чинов: Емельяна Патянина, Любима Васильева, Ивана Степанова, Авдакима Максимова, Ивана Михайлова, Мирона Попова, Акинтия Дурнова, Григория Иванова, Алексея Михайлова, Прохора Кушинова, Василья Гунъта, Авдакима Микифорова, Прохора Проковьева, Максима Думрачеева, Акинтия Дудукина, Фирса да Анъдрея Авакумавых.

Он же, Василей, посылан во 187 (1679) году в четвертые в Царь же град, и будучи в Цареграде, салтан и визирь^р Мустафа-паша заказали,

^о Испр., в ркп. Комец. ^п Испр., в ркп. Носогородской. ^р Испр., в ркп. визирь.

чтоб с Васильем Даудовым никаких русских пленных людей в Русь не пускать для Чигириньской службы.

Во 194 году по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, шестая ево, Василья Александрова сына Даудова, служба: посылан он, Василей, в Крымьской поход.

Лета семь тысячъ двести четвертаго году по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, посылан он, Василей Александров сын Даудов, под Азов.

Лета тысяща семьсот двести седмаго году мая в восмы день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, || всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, посылан он, Василей Александров сын Даудов, в Царьград з думным дьяком Емельяном Игнатьевичем Украинцовым и с Каргапольским наместником.

(ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 1089, л. 624—635 об.)